

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 55. Is. 1. pp. 226-241. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.1.226
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Theory of Patriotism in Pre-Revolutionary Russia – from the First Steps to the Practice of Implementation

Pavel A. Merkulov ^{a, *}, Anatoly L. Eliseev ^a, Dmitry V. Aronov ^b

^a Central Russian Institute of management-branch of Ranepa, Russian Federation

^b Orel State University named after I.S. Turgenev, Russian Federation

Abstract

One of the components of understanding the historical mentality of the people is such a component as patriotism. Understanding the essence of this phenomenon, the level of its social self-reflection, is inseparable from its relationship and interdependence with the concrete historical conditions of society. It is fundamentally important to consider the social reflection of patriotism on the example of its components such as scientific understanding of the phenomenon in society and the reflection of the level of its perception in the practice of public administration. This article examines the origin of patriotism as one of the components of social practices in pre-revolutionary Russia and its evolution in the theoretical research and practical activities of public administration of General and sectoral nature. The task is to trace the dynamics of changes in the place and role of patriotism in the context of the development of the General political situation in the country. On the example of the results of the analysis of the works of pre-revolutionary researchers and little-known official materials of normative and administrative nature, the conclusion is made about the Genesis of patriotism in pre-revolutionary Russian society. The author traces the phases of its formation as an object of scientific study with constant correction of its content, as well as a goal-setting factor of the state youth policy of pre-revolutionary Russia, which coincides with the formation of this new direction of public administration.

Keywords: patriotism, state and statehood, state and Fatherland, state youth policy, Patriotic component of state youth policy, public and scientific self-reflection.

1. Введение

Значимость изучения патриотизма – явления социальной жизни и одного из компонентов государственной политики как общественно-политического феномена – признается в настоящее время как, собственно, в академическом, так и в политико-прикладном плане самыми разными отраслями научного знания и акторами политического процесса. Необходимо отметить, что первые попытки осмысления этого теоретического феномена могут быть соотнесены еще с дореволюционной Россией, по преимуществу начиная с имперского периода, и впоследствии с качественным скачком в связи с попытками осмысления его новой советской (социалистической) модели ([Патриотизм и национализм как факторы российской истории, 2015: 8](#)).

Переход российской исторической науки, как и гуманитарных наук в целом, от жестко детерминированной методологии исследования с господством идеологических критериев истинности и целесообразности изучения исторического прошлого страны заставляют обратиться к изучению дореволюционного периода истории России, не исключая исторического опыта в сфере теоретического осмысления и практического применения такого явления, как патриотизм, который в

* Corresponding author

E-mail addresses: reception@orel.ranepa.ru (P.A. Merkulov), eliseev.anatoly@gmail.com (A.L. Eliseev), aronovdv@mail.ru (D.V. Aronov)

советское время определялся в качестве явления, имеющего классовый характер. К настоящему времени российской современной историографией накоплен в этой сфере значительный багаж, однако сколь-нибудь общего подхода к решению поставленной в статье проблемы еще не сложилось.

В данной работе предпринята попытка показать динамику исторического процесса общественной саморефлексии понятия патриотизма, начиная с XVIII века, его эволюции от первых форм проявления как в общественно-политической жизни, так и в практике управления государством посредством специализированных органов, обладающих общей и/или специальной компетенцией. В качестве теоретического обоснования идеи исследования выступает гипотеза о начале использования идеологической составляющей патриотизма в практике государственного управления социумом, начиная с первой трети XIX века, т.е. задолго до окончательного формирования теоретического понятия патриотизма, близкого к современному пониманию данного термина. При этом использование идеологии патриотизма в первую очередь проявляется в государственной молодежной политике как целенаправленной деятельности, ориентированной на воспитание именно у молодежи совокупности качеств, которые государство (общество) определяет как необходимые для своего последовательного развития. Соответственно практическое воплощение результатов теоретических изысканий, донесенных до уровня управленческих элит, принимающих решения, следует искать именно в этой сфере государственной политики.

2. Материалы и методы

2.1. В качестве базовых источников по изучению возникновения в России в дореволюционный период ее существования теории патриотизма и практики использования его в государственном управлении социумом привлечены различного рода документы, которые стали результатом деятельности как отдельных ученых, так и государственных деятелей, выступающих в данном случае в качестве частных авторов. Вместе с тем ряд источников в данной сфере занимает в своем роде некое промежуточное положение, т.к., будучи, с одной стороны, продуктом деятельности органов управления в отдельных сферах деятельности российского государства, они не имели обязательного характера и для существовавшей системы государственного управления, и для отдельных подразделений того органа управления, в рамках которого были сгенерированы. В первую очередь это относится к материалам, которые, наряду с хорошо известным в отечественной и зарубежной историографии документом за авторством министра просвещения С.С. Уварова, содержат основы концепции теории «официальной народности» Они составляют корпус источников, по которым мы впервые в отечественной истории имеем возможность судить об официальном восприятии патриотизма как фактора социального управления на официальном уровне.

С расширением круга субъектов, непосредственно участвующих в системе социального управления, в рамках которой проблема формирования и теории патриотизма, и его воплощения в практической политико-правовой деятельности, а в этом случае речь идет, прежде всего, о таких акторах процесса формирования патриотического компонента государственной идеологии, как политические партии, и в несколько меньшей степени о возникающих в начале XX в. многочисленных общественных организациях (студенческие общества, скауты, «сокольство» и др.) (Merkulov et al., 2018: 1066-1067), начинает формироваться совокупность партийных программ и иных генерируемых ими документов.

В целом ряде центральных и региональных архивов (ГАРФ, ЦГАМ, РГВИА, ГАОО) отложился корпус документов, позволяющих охарактеризовать конкретную административную, управленческую, распорядительную деятельность органов управления по реализации в своей практике патриотического компонента государственной идеологии. Позволяют они, правда в определенной степени, проследить и ее эволюцию в связи с изменением как общих социально-политических условий, так и позицию высшего руководства страны, где зачастую присутствовали элементы субъективизма.

Наиболее массовую группу материалов (в нашем случае) составляют собственно научные публикации, появление первых из которых относится к XVIII в., когда их значительную часть составляли те, которые в традиционном понимании относятся, скорее, к литературным произведениям.

2.2. Основой любой, в т.ч. и настоящей научной работы, выступают общепризнанные общенаучные методы исследования, используемые в комбинаторике в соответствии со спецификой предмета исследования, а также общенаучным видением авторами способов оптимизации методологии. Принципиально важным для решения исследовательских задач развития методологии изучения становления теории патриотизма и практики ее претворения в жизнь в дореволюционной России выступает принцип историзма, предполагающий, что в каждом историческом периоде существует отличное от иных восприятие и сущностное наполнение такого общественного феномена, как патриотизм, связанное с присущими именно этому историческому этапу социально-политическими характеристиками. Формирование конкретного этапа развития данного компонента общественного сознания связано и с постепенно формирующейся государственной идеологией, в которой патриотизм неизменно присутствует, хотя может выступать под различными названиями.

Неотъемлемым признаком реализации этого принципа выступает и комплексность в изучении конкретного исторического периода, подразумевающая использование всех имеющихся в нашем распоряжении источников информации. Применительно к проблематике настоящей работы это нашло свое выражение в широком использовании как материалов органов государственного управления, отражающих официальный подход к патриотизму, так и работ, принадлежащих представителям различных творческих и научных направлений, выполненных в самых разнообразных жанрах – от строго научных трактатов (в понимании эпохи) до поэтических текстов, в качестве таковых написанных и опубликованных.

Не менее важным исследовательским методом выступает применяемый метод компаративистского исследования, связанный прежде всего с выявлением в научном, общественно-политическом и литературном дискурсе различных периодов развития теории патриотизма. Применение данного метода позволило рассмотреть различные стадии становления патриотизма в России и как части общественного сознания, и как элемента государственной идеологии, также находившейся в рассматриваемый период в стадии становления.

Позиция авторов состоит в том, что в рамках конкретно-исторического исследования, основанного на широком круге разнообразных источников, использовании междисциплинарного исследовательского инструментария, данных, полученных учеными, представляющими различные сферы гуманитарного знания, мы можем говорить о формировании социального феномена патриотизма и как составной части общественного сознания, и как элемента формирующейся официальной государственной идеологии, используемого в конкретной управленческой деятельности.

3. Обсуждение

К настоящему времени сложилась определенная отечественная и зарубежная академическая традиция изучения патриотизма во всех его ипостасях. Начало она берет еще в дореволюционный период, когда теоретические подходы к этому понятию находились в стадии формирования, и авторы порою, говоря об одном и том же общественном феномене, могли называть его разными терминами. Однако это никоим образом не умаляет вклад в научный дискурс вокруг понятия «патриотизм» участников, представляющих собственно академическую науку (Карамзин, 1964, 1982, 1987, 1991; Соловьев, 2011; Ключевский, 1988, 2008; Платонов, 2006; Устрялов), общественно-политические движения, неразрывно слитые в России с литературой (Пушкин, 1962; Плетнев, 1998; Фонвизин, 1959; Толстой, 1980).

Советское время дало достаточно большой пласт работ, которые по формальным признакам рассматривают именно проблемы патриотизма, однако с учетом того, что научный и творческий поиск в этой сфере в период советской государственности был возможен сравнительно недолгий период, за которым последовало время принудительного направления научного поиска на комментирование данной проблематики в духе принятых партийно-государственных установок. Вместе с тем весьма интересны теоретические поиски постреволюционного периода, включающего в себя и начало двадцатых годов прошлого столетия.

В наше время эта тема также пользуется вниманием отечественных и зарубежных авторов. Однако большинство работ посвящено философским (Селиверстова, Курганская, 2017; Выршиков, 2006), социологическим (Санина, 2016; Халий, 2017), политологическим (Иванова, Лутовинов, 2008; Бочарников, 2014) и ряду иных аспектов этого исключительно многогранного социального феномена. Ряд трудов посвящен такому сложному, но неизбежному в вопросе, где речь идет о научных и общественно-политических дефинициях, аспекту, как генезис взаимоотношения используемых понятий в хронологических рамках исследования (Миллер, 2008). В зарубежной историографии проблематика развития российского патриотизма присутствует, как правило, в трудах, связанных с изучением способов решения национального вопроса в Российской империи. Здесь также отсутствует единая точка зрения (большинство авторов занимаются периодом рубежа XIX–XX вв.). Так Дж. Кадио отмечает, что общеимперской идентичности к началу XX века в империи достигнуть не удалось и самоидентификация во многом шла по этно-конфессиональному признаку (Cadiot, 2005). В целом, поддерживающий эту точку зрения Д. Сондерс видит причину ситуации, не позволившей всему населению России полностью осознать себя россиянами, в непоследовательной политике имперской власти (Saunders, 2000). На этой же позиции стоит и Р. Сюни, который пишет о целенаправленной и сознательной политике имперской власти по созданию и поддержанию различий между этно-конфессиональными группами населения России, при демонстрации первенства русского этноса и неполноценности иных этнических групп империи (Sany, 2000). Отличную точку зрения на степень соответствия проводимой политики постулированным целям высказывает Дж. Ливен, который отмечает, что логику империи во многом предопределяет интеграционный характер ее политики, конкретные формы которой определяются множеством факторов (Lieven, 2008).

При этом работ, где рассматриваются собственно исторические аспекты возникновения и развития патриотизма как историко-социального явления в истории России, в последние годы сравнительно немного (Патриотизм и национализм..., 2015). При этом особенно важно отметить, что

в данных трудах предпринята весьма плодотворная попытка показать взаимосвязь определенных трендов понимания патриотизма в российской интеллектуальной традиции и государственной политике с различными социально-экономическими и политическими процессами на территории Российской империи, а отчасти и во внешней политике.

Ряд работ отечественной историографии посвящен вкладу отдельных представителей российской интеллектуальной традиции в формирование теории патриотизма, его рефлексии в широком общественном сознании.

4. Результаты

Проблема понимания сущности патриотизма, придания данной дефиниции необходимой, общепринятой степени формализации, без чего невозможно практически-прикладное применение данного понятия, составляет одну из важнейших задач как современной методологии, так и собственно нарративной истории. Соответственно в настоящей статье речь идет преимущественно о специфике исторического процесса формирования в российском социуме идеологии патриотизма, в той или иной степени оказывающей влияние на формирование соответствующего направления государственной социальной политики в дореволюционный период.

В рамках решения данной методологической задачи необходимо соотнести возникновение и становление собственно государственной молодежной политики в России с базовыми этапами в становлении теории патриотизма, как элемента этой политики, а отчасти как части идеологии общества в целом. В качестве методологической основы определения базовых этапов возникновения и становления государственной молодежной политики в нашей стране мы используем комплекс идей, предложенных в трудах П.А. Меркулова (Меркулов, 2013), а в основе периодизации истории формализации теории патриотизма в отечественной общественной мысли лежит ряд подходов, сформулированных в рамках подготовки коллективной монографии под общей редакцией В.В. Журавлева (Патриотизм и национализм..., 2015: 3-7) и посвященной проблеме генезиса идей русского национализма и патриотизма в государственно-политической жизни Российской государства. Соответственно в статье предпринимается попытка показать взаимосвязь и взаимовлияние двух базовых составляющих такого сложного инвариантного явления, как реализация в государственной молодежной политике ее патриотической составляющей, собственно государственной молодежной политики и базовых этапов становления теории патриотизма в России в ее неразрывной взаимосвязи с формированием государственной идеологии.

Решение этой проблемы лежит не на пути выбора в качестве единственно возможного определенного конкретного способа объяснения природы данного явления. Подобные попытки предпринимались не один раз, при этом источником патриотических, национальных (националистических), космополитических и иных чувств избирались, как правило, иррациональные основания (высшие силы, абстрактно понимаемое человечество, «эрос» и т.п.). Задача историка состоит как раз в том, чтобы показать и, соответственно, понять историческую динамику модернизационных процессов, которые с неизбежностью протекают в обществе, меняют место и роль социальных групп, в т.ч. и молодежи, в их взаимосвязи с их теоретическим осмыслением современниками и восприятию результатов этого осмысления государственной властью в лице ее конкретных носителей. Необходимо выявление системы структурно-логических взаимосвязей, возникающих в этот период, которые в итоге и ведут к реализации определенного сценария общественного развития. Последний предполагает наличие системы обратных связей между теорией и практикой государственного управления, определяющих их взаимодействие и взаимозависимость. Выявление данной динамики в строгом историческом контексте и есть базовая задача конкретно-исторического исследования.

Соответственно сама государственная молодежная политика в строго формализованном понимании данного понятия, предполагающего взаимодействие ее трех составляющих (признание молодежи особой социальной группой, наличие специализированного законодательства, а также органов общей и/или специальной компетенции) соотносится с последней третью XIX в. При этом ее отдельные компоненты возникают намного раньше, и в самом широком смысле слова собственно государственно-молодежная политика в качестве своей предтечи имеет сословную молодежную политику, а в ранние периоды государственности (в т.ч. и российской) она же соотносится с компонентами (законодательство и структуры управления) социальной политики эпохи Средневековья. В настоящее время в отечественной исторической науке утвердился по преимуществу подход к признанию сословной государственной молодежной политики как предтечи государственной молодежной политики в современном понимании, а также признана дискуссионность момента ее возникновения в последней трети XIX в. с возможностью соответствующего понижения. Однако, как нам представляется, в любом случае вряд ли она опустится более чем на полвека. Данное суждение имеет значение для настоящего исследования в том аспекте, что примерно с теми же сроками соотносят современные отечественные исследователи формирование идеологии патриотизма, а соответственно, и национализма в российской общественной мысли. Это совпадение, параллелизм процессов, позволяют нам отказаться от

сюжетов, посвященных ранней российской истории и связанных с такими знаковыми памятниками отечественной общественной мысли, как «Слово о полку Игореве», «Повесть временных лет», концепции «Москва – Третий Рим» и им подобных. Собственно, русский патриотизм как явление, понимаемое в хотя и не оторефлексируемом научным и общественным сознанием смысле, связано с переходом при Иване III от Московского княжества к Великокорусскому государству (Платонов, 2006: 195), что нашло отражение в титуловании государя и иных символах, которые позволяют нам выделять и расшифровывать соответствующие культурно-государственно-исторические коды. Иначе говоря, возникает совокупность общественных отношений в системе человек – государство.

Строго говоря, сам термин «нация» появляется в русском языке, начиная с петровских времен (Черных, 1993: 562), что сочетается с постоянным присутствием в политической лексике государственной власти таких новых терминов, как «россы», «россияне», «чада российские», «сыны России» и т.п. (Ильин, 2015: 9).

Сочеталось это изменение, создание новой сущности в общественном сознании с глобальными изменениями в ментальности населения страны. Еще в период Смутного времени начинается кризис сознания, ориентированного на государя, реализующего связь с Богом. По сути, Василий Шуйский был первым не только договорным, но и присяжным царем. Говоря словами В.О. Ключевского, «он превращался из государя холопов в правомерного царя подданных, правящего по закону» (Ключевский, 1988: 37). Соответственно к петровским временам получает вполне динамичное развитие практика (но еще не теория) рационализации государственного управления. Собственно, в политической риторике петровской и постпетровской эпох мы видим появление ряда маркеров, обозначающих причастность населения России к новой имперской роли государства, к Российской империи, ставшей продолжением Московского царства. При этом данная причастность основана на естественной, «органической» связи человека и государства. Строго говоря, осознание (рефлексия общественным сознанием) подобной связи – это патриотизм.

Своего рода квинтэссенцией данных процессов в части формирования патриотизма/национализма становится выдвижение в качестве главной благодетели подданных служение Отечеству как главного дела всех русских людей. Это принципиально новый концепт, возникающий в условиях нового типа отношений подданных – государя, призванный обеспечить единство нации. В некотором смысле и образ самого Петра уже в восприятии через век, говоря словами поэта, «то академик, то герой, то мореплаватель, то плотник» – представлял собой, по сути, образ национального героя. Устойчивость данного концепта, сформированного без теоретической основы, во многом интуитивно, как говорится в режиме ручного управления, позволило ему, по мнению современных исследователей, выдержать конкуренцию с пропагандистскими штампами «царя-антихриста», «немецкого царя» и т.п. (Ильин, 2015: 10).

В анализируемую эпоху и практика государственного управления, и общественная мысль занимались поиском ответа на вопрос о том, что выступает в качестве ценности высшего порядка – Российское государство или русский народ, что эти течения формулируют в образной форме как «русские для России» или «Россия для русских». Рационалисты петровской эпохи придерживались понимания народа как базового ресурса для величия государственности.

В этом же ряду стоят и реализованные проекты переселения в различные части Российской империи новых народов (Молдавия – болгары, Крым – греки и т.п.), исходившие из той же концепции приращения мощи государства не только изнутри, за счет внутренней консолидации вокруг системообразующего начала, но и механически извне, понимания государства как высшей ценности. Соответственно идея русского народа, до петровской эпохи подчиненная более широкой идее православного народа, идее «Третьего Рима», трансформируется уже в идею народа российского.

Однако главное, что нас интересует в контексте петровской и постпетровской эпох в свете появления ростков теоретико-государственного осмысления и реализации идеи патриотизма, так это то, что в поле общественной мысли и государственного управления появляется новая сущность «русского». «Русское» не поглощается, как ранее, православным, но и не поглощается новым «российским». Оно приобретает вполне самостоятельное как общественно-политическое (насколько можно говорить о политике в России соответствующей эпохи), так и государственное содержание, выступая в последующем своего рода исходным пунктом как для общественно-политических дискуссий, так и (по нашим оценкам – с первой трети XIX в.) решений в области государственной политики, а со второй половины XIX в. – и непосредственно в полноценной государственной, прежде всего в одновременно формирующейся, молодежной политике.

В качестве первого примера рассмотрим цитату Д.И. Фонвизина из его произведения «Рассуждение о непременных государственных законах» (Фонвизин, 1959: 253-266). Написанная по вполне конкретному политическому поводу, она тем не менее содержит ряд интересующих нас дефиниций и связей, проводимых Фонвизиним между ними. Прежде всего, это его указание на то, что «без непременных государственных законов не прочно ни состояние государства, ни состояние государя..., где же произвол одного есть закон верховный, тамо прочная общая связь и существовать не может; *тамо есть государство, но нет отечества, есть подданные, но нет граждан, нет того*

политического тела, которого члены соединялись бы узлом взаимных прав и обязанностей» (Фонвизин, 1959: 254).

Фактически можно говорить о проведении им взаимосвязи между произволом и государством с отсутствием в этом случае отечества и граждан, которых он объединяет в понятие «политическое тело», члены которого, что мы отмечали выше, объединены взаимными правами и должностностями (обязанностями). «Политическое тело» вполне можно понимать как нацию, что Д.И. Фонвизин и делает далее. По подсчетам отечественных исследователей он 16 раз использует данный термин, а дефиницию народ употребляет 14 раз, причем сущностный анализ показывает, что эти понятия суть синонимы. Соответственно у Д.И. Фонвизина нация (народ) выступает как актер политического процесса, причем не в чем-либо, а в праве на восстание, т.е. источником революционного процесса у него может выступать национальное самосознание (правосознание). Ряд исследователей склонен видеть в данном провидческом сценарии Д.И. Фонвизина причину недоверия российской исторической власти к русскому национализму как таковому, как потенциальному актору политических процессов (Ильин, 2015: 14).

Вместе с тем в случае со взглядами Д.И. Фонвизина мы видим ситуацию, когда идеи русского национализма стимулированы западноевропейским влиянием, теорией общественного договора, правом народа на восстание и т.п. В данном случае вполне уместной представляется цитата одного из авторов той эпохи, который, давая характеристику последней трети XVIII в., вполне обоснованно писал, что «век Екатерины был временем удивительного примирения двух противоположных начал, под действием которых развивалась Россия, наплыва Европейского просвещения и ревнивого сохранения своей самобытности, своей государственной силы, своих народных интересов» (Страхов, 1883: 14).

Этот российский синтез европейских и, что называется «почвеннических», элементов, как показывает анализ эволюции взглядов практически всех общественных деятелей России, ее политического класса, научных сил, вел в конечном итоге к генерированию в той или иной форме отношения к патриотизму и/или национализму в контексте выбора будущего пути развития России, ее социально-политической, экономической системы. Однако в силу крайней ограниченности политического дискурса в России фактически до изменений 1904–1906 гг., не допускавшего открытой дискуссии по политическим вопросам, площадкой для обмена мнениями становятся русская литература и публицистика («толстые журналы»), которые сыграли в общественно-политической мысли России иную роль, чем в Западной Европе. Классический пример сублимации этого процесса – это и т.н. «банкетная кампания» 1904 г. (Шацилло, 1983: 293-302), «Пироговские», учительские съезды и иные формы сублимации политического дискурса, который в условиях жесткого цензурирования и администрирования общественных инициатив, принимал иные, порою весьма своеобразные формы.

Возвращаясь к научному дискурсу вокруг понятия «патриотизм», следует вспомнить Николая Михайловича Карамзина, который в 1790 г. писал о том, что «все народное ничто перед человеческим. Главное дело быть людьми, а не Славянами. Что хорошо для людей, то не может быть дурно для Русских; и что Англичане или Немцы изобрели для пользы, выгоды человека, то мое, ибо я человек!» (Карамзин, 1987: 254). Однако впоследствии в работе «О любви к отечеству и народной гордости» Карамзин писал: «...Не смею думать, чтобы у нас в России было не много патриотов; но мне кажется, что мы излишне смиренны в мыслях о народном своем достоинстве, а смирение в политике вредно. Кто самого себя не уважает, того, без сомнения, и другие уважать не будут. Не говорю, чтобы любовь к отечеству долженствовала ослеплять нас и уверять, что мы всех и во всем лучше; но русские должны знать цену свою» (Карамзин, 1982: 94). Еще одним базовым посылом статьи Н.М. Карамзина стало сопоставление двух базовых концептов теории патриотизма, т.е. народа и отдельной личности. Именно личность, по мнению Карамзина, генерирует общественные чувства, которые, в свою очередь, продуцируют отношение к отечеству в целом. «Любовь к собственному благу, – пишет Н.М. Карамзин, – производит в нас и любовь к отечеству, а личное самлюбие – гордость народную, которая служит опорой патриотизма» (Карамзин, 1982, 1964: 93-94). При этом он четко выделяет три вида любви к отечеству, которая в его трактовке может быть физической, моральной и политической. При этом, если следовать логике работы, эти формы не возникают одновременно, а скорее, эволюционируют одна из другой, как и личность изначально не обладает полноценным чувством патриотизма, который есть результат ее умственного развития. Параллельно этому процессу происходит и становление патриотизма народа как социальной общности.

В этом подходе Н.М. Карамзина, по сути, намечены основные положения патриотической составляющей государственной молодежной политики, которая будет реализована в Российской империи уже в конце XIX – начале XX вв. в формате юношеских организаций патриотической направленности.

В начале XIX в. происходит принципиально важное с позиций оценки стадийности развития патриотической составляющей государственной молодежной политики событие. Российская общественная мысль переходит от чистой теории к попыткам сформулировать вполне конкретные рекомендации государственной власти. К числу соответствующих материалов мы с полным правом

можем отнести хорошо известный всем исследователям документ, принадлежащую перу Н.М. Карамзина «Записку о древней и новой России». С этой точки зрения «Записка ...» отталкивается именно от патриотической, национальной основы государственной политики, противопоставляя ее некритическому заимствованию опыта европейского законодательства. Он критикует власть за унаследованную от Петра I «излишнюю любовь к государственным преобразованиям». «Главная ошибка законодателей сего царствования состоит в излишнем уважении форм государственной деятельности... Последуем иному правилу и скажем, что не формы, а люди важны» (Карамзин, 1991: 98).

Полагаем, что Н.М. Карамзин, скорее, – адепт побуждения самодержавия к реформам, которые, однако, основаны не на рецепции западноевропейского права, а на национальном опыте регулирования отношений в системе личность – общество – государство в отечественной истории.

В рассмотренный период в истории общественной мысли России в контексте поставленной задачи по выявлению теоретических аспектов национального самосознания, патриотизма как потенциальных элементов государственной политики произошло главное – общественной мыслью в ходе специфического дискурса, обусловленного спецификой взаимоотношений в системе власть – общество, были сформулированы те базовые вопросы, вокруг которых будет идти эта дискуссия в будущем: личность и государство, личность и нация, нация и сословие, и многие другие. Этапным здесь было последовавшее решение верховной власти, сформулировавшей впервые в практике отечественного госуправления прообраз национальной идеологии патриотической ориентации.

Знаменитая триада министра народного просвещения Сергея Семеновича Уварова «самодержавие – православие – народность» и есть, в контексте нашей исследовательской гипотезы, первый синтез оригинальной российской интеллектуальной традиции, о первых этапах формирования которой речь шла выше с принятием конкретного управленческого решения носителями высшей государственной власти в части синтеза патриотизма и конкретных задач государственного управления.

Естественно, говоря о выборе будущего вектора развития российского государства первой трети XIX в., нельзя обойти вниманием то влияние, которое оказало на этот выбор такое явление, как «декабризм». Обычно принято говорить, собственно, о борьбе с тайными обществами, восстании 14 декабря и иных знаковых событиях, составляющих, как нам представляется, скорее, символический ряд эпохи, чем отражающих сущность этого противостояния, которое закладывалось между обществом и властью в этот период, о сущности патриотизма и национализма и их применимости в практике госуправления. С учетом ограниченного документального наследия декабристов полагаем вполне уместным остановиться на традиционных для рассмотрения их взглядов материалах: «Конституции» Н.М. Муравьева (Проект Конституции Н.М. Муравьева, 2018) и «Русской правде» П.И. Пестеля (Пестель, 2018).

В наиболее концентрированном виде сущность патриотизма в контексте его взаимосвязи с государством содержит «Русская правда». В проекте народ понимался как «совокупность... Людей, которые, принадлежат к ... Государству, составляют Гражданское Общество» (Пестель, 2018). Подобный подход приравнивает национальность к гражданству (принадлежности к определенному государству), что характерно для западноевропейской политико-правовой мысли, но, по сути, являет собой вид космополитизма, отрицающего патриотизм как таковой. Естественно, что это отнюдь не констатация состояния современного П.И. Пестелю российского общества, а некое видение общественного идеала, к которому его еще следует привести. Здесь П.И. Пестель выстраивает целую систему многоуровневого взаимодействия разноуровневых законов, которые, как представляется, не имеют непосредственного отношения к проблематике настоящей работы. Вместе с тем требует дополнительной дискуссии вопрос о концепции приведения различных наций и народностей к единому знаменателю. Есть авторы, которые полагают, что Пестель предлагал ассимиляторский проект, предполагавший не создание единой общности народов в рамках единого государства, а слияние их с «Господствующим Народом» (Пестель, 2018). Впрочем, как отмечают те же исследователи, радикализм этой программы вполне соответствует ее утопизму (Ильин, 2015: 21). Концептуально идея сводится к формуле достижения единства в государстве.

Вполне можно согласиться и с мнением тех, кто оценивает второй базовый документ декабризма – «проект конституции Никиты Муравьева» с прописанной в нем трансформацией России в федерацию из 15 держав, как утопический, хотя и трудно избежать аллюзии, равно как и псевдоисторических параллелей с 15 республиками послевоенного СССР.

Главным фактором, определяющим развитие данной ситуации, было состояние российского общества, которое С.Ф. Платонов охарактеризовал следующим образом: «Разгром декабристов болезненно отразился не на одном их круге, а на всей той среде, которая образовала свои взгляды и симпатии под влиянием западноевропейских идей» (Платонов, 2018: 204). Главным следствием стало формирование отрицательного отношения общества к власти, т.к. власть оно относило к карающей силе, имманентно обществу противостоящей. В итоге два базовых направления в российской общественной мысли, сформировавшихся в этот период, – западники и славянофилы – оказались в потенциальной оппозиции государственной власти, по сути, вставшей на путь

совместного поиска новой парадигмы патриотической, национальной составляющей государственного развития. «Когда они сгруппировались в два известных нам лагеря "западников" и "славянофилов", – пишет С.Ф. Платонов, – оказалось, что оба эти лагеря одинаково чужды правительственному кругу, одинаково далеки от его взглядов и работ и одинаково для него подозрительны» (Платонов, 2018: 204).

Соответственно, предлагаемые ими варианты понимания патриотической составляющей национального самосознания изначально встречались власть предержащими с определенным предубеждением. Это не отменяло возможности донесения определенных идей и концепций до высших уровней государственного управления традиционными для сословного общества способами. Прежде всего речь шла о личных связях людей, принадлежавших к одному сословию, а зачастую к той высшей страте, в среде которой и рождались принципиально важные для будущего страны решения. Подобная практика взаимодействия интеллектуальной российской традиции и высших носителей государственной власти, облеченных властью принятия окончательных решений, будет характерна вплоть до последних лет существования Российской империи (Соловьев, 2011: 442-463).

Своего рода примером, показывающим ситуацию в сфере трансляции интеллектуальной традиции в высшие эшелоны власти, может служить позиция известного русского поэта XIX в. Алексея Константиновича Толстого, чье творчество выступало основанием для причисления его то к «западникам», то к «славянофилам». Сам поэт, принадлежавший к старинному знатному роду, бывший в детстве одним из товарищей будущего императора Александра II по детским играм (Русские писатели, 1990: 298-303) и сохранивший близкие отношения с ним, относился к попыткам воспользоваться его, говоря современным языком, «лоббистскими возможностями» с присущей его произведениям иронией. В своем поэтическом произведении «Двух станов не боец, а только гость случайный...» (1858) (Толстой, 1980: 95, 448) он сказал практически все уже в первой строке. Однако две завершающие строки полны глубокого, практически диалектического понимания этих двух лагерей, каждый из которых, претендуя на истину, предлагал лишь часть ее. И это почувствовал именно поэт, бывший, правда, при этом еще членом-корреспондентом Российской академии наук: «Пристрастной ревности друзей не в силах снести, / Я знамени врага отстаивал бы честь!» При этом произведения А.К. Толстого, хотя им свойственна и известная эволюционность, и эклектичность, содержат не просто взгляд художника слова на ситуацию в близкой ему социальной среде, но зачастую более чем явно выражавшей суть конкретных концепций патриотической составляющей. Примером здесь может быть публикуемая, как правило, вне рамок основного текста, в подстрочнике, часть широко известного романа «Колокольчики мои...», – суть концепция панславянских доктрин (Толстой, 1980: 51-54, 434-436).

Практика государственного управления этого периода в сфере реализации патриотической составляющей государственной молодежной политики, реализовывавшейся в форме политики сословной, перешла к следующему этапу своего становления. Концепция государственной идеологии «самодержавие – православие – народность» стала результатом синтеза реакции государственной власти на ситуацию в обществе с воспринятой ею составляющей интеллектуальной традиции, обосновывающей в качестве ключевого звена сферу воспитания и образования, в первую очередь молодежи, представляющую социальные группы власть предержащих (дворянство, священнослужители), а также ту часть молодежи, которая в той или иной мере была связана с реализацией важнейших государственных функций (военнослужащие всех категорий, семинаристы, студенчество) (Меркулов, 2011: 39-40, 51-58). Фактически складываются базовые элементы сословной молодежной политики, в которой мы видим отдельные социальные группы молодежи, органы государственного управления специальной компетенции, а также ряд специальных актов управления. Дополнительным элементом, вводящим этот период в исследовательское поле настоящей работы, выступает сформировавшаяся к этому времени отечественная интеллектуальная традиция в сфере разработки патриотизма не только как объекта изучения в рамках отечественной научной традиции, но как социального феномена, в котором встречаются усилия общества и государства.

Соответственно элементу реализации патриотической парадигмы в рамках данного периода становления государственной молодежной политики мы встречаем в Манифесте Николая I, ориентированного преимущественно на дворянство, но видящего это сословие в качестве проводника государственной политики в сфере воспитания, где признавались место и роль воспитания и образования: «Да обратят родители все их внимание на нравственное воспитание детей». Также ставилась задача по определению места дворянства в этом процессе: «Дворянство, ограда Престола и чести народной, да станет и на сем поприще, как на всех других, примером всем другим состояниям» с целью «усовершенствования отечественного, природного, не чужеземного воспитания» (Высочайший Манифест 13 июля 1826, 2002). К целям и задачам Манифеста исследователи относятся по-разному. Однако наличие в нем смысловых блоков, наглядно показывающих целеполагание в сфере патриотического воспитания, вполне очевидно.

Становление нормативной базы реализации патриотической составляющей в рамках сословной молодежной политики находит свое продолжение в 1833 г., когда понимание русской нации как элемента реальной политической практики и государственного управления находит свое выражение

в форме тезиса народности (термин «народность», как правило, связывается с именем П.А. Вяземского, который употребляет его как синоним, русифицированный аналог термина «национальность») в знаменитой триаде С.С. Уварова. Между двумя этими официальными документами, доклад С.С. Уварова «О некоторых общих началах, могущих служить руководством при управлении Министерством Народного Просвещения» (19 ноября 1834 г.) (Уваров, 1995: 70-72). Позднее базовый концепт был подтвержден в ряде распорядительных документов Министерства народного просвещения («Вступление к Записке 1843 года: «Десятилетие министерства народного просвещения» (Россия. Министерство народного просвещения, 1864: 3), доклад Уварова С.С. Императору о славянстве от 5 мая 1847 г., (Уваров, 1918). С определенными оговорками можно говорить о том, что в их рамках был сформулирован идеологический концепт, включающий в себя основы патриотизма, т.к., по сути, самодержавие и православие, выступающие у С.С. Уварова выразителями государственности и духовности, вряд ли могут быть отделены от народности, т.е. от своего национального своеобразия, которое он, собственно, и предлагал понимать как единство монархизма и народа в процессе исторического развития российского государства. Соответственно в этой части триады мы вполне логично видим тот патриотический компонент, который прослеживается в деятельности в сфере образования и прежде всего в сфере военного образования.

Так во Всеподданнейшем отчете министра юстиции М.В. Муравьева по делам о государственных преступлениях отложился такой документ, как копия «Приказа по Морскому кадетскому корпусу от 12 апреля 1826 г. по поводу собственноручной Е.И.В. Императора Николая I записки, после посещения Его Величеством Морского кадетского корпуса 31 марта 1826 г.», где в общем виде сформулированы требования к воспитанникам: «чувство Веры и благочестия, долга и чести, беспредельной преданности Государю и Отечеству (ГАРФ. Ф. 543 (Коллекция рукописей Царскосельского дворца). Оп. 1. Д. 374. Л. 4). Наиболее адекватные формы патриотическое воспитание принимает в военных гимназиях, которые, благодаря реформе системы воспитания при подготовке офицеров, сумели отойти от формальной муштры и обратиться к личности воспитанника (Гребенкин, 2017: 40-41). В записке «О необходимости преобразования военно-учебных заведений (о преобразовании военных гимназий в кадетские корпуса)» в 1882 г. ставилась задача «воспитать в своих питомцах тот военный дух, которым искони отличались офицеры русской армии» (РГВИА. Ф. 725. Оп. 20. Д. 18. Л. 137 об.). Главной целью воспитательной работы в военных гимназиях выдвигалось формирование нравственных основ, «кои необходимы для ревностного выполнения предстоящего ему впоследствии высокого долга – быть верным слугой своего Государя и отечества» (Инструкция, 1883: 6-7).

Нельзя не отметить, что хронологически эта реформа с постулированием целей патриотического воспитания практически полностью совпадает с предлагаемой нами датой окончательного оформления такого вида социального управления, как государственная молодежная политика, приходясь на 80-е гг. XIX столетия.

В последующем с учетом определенной милитаризации военной подготовки в кадетских корпусах патриотизм как неотъемлемый элемент кадетского воспитания устоял и в годы Гражданской войны, даже с учетом известных трансформаций и в годы эмигрантской истории кадетских корпусов. Так, в докладе о положении кадетских корпусов в Югославии генерал-лейтенанта Кусовского генерал-лейтенанту Кондзеровскому от 2 сентября 1925 г. отмечалось, что принципами кадетского воспитания в России были религиозность, монархизм и патриотизм, сейчас же «кадеты... проникнуты безотчетным чувством патриотизма, мстительным монархизмом, грубым милитаризмом и не были антирелигиозны» (ГАРФ. Ф. Р-5826. Оп. 1. Д. 53. Л. 29). Аналогичную ситуацию можно видеть и в материалах Общепедагогического комитета Донского кадетского корпуса, где отмечаются такие черты воспитания, как приоритет общих целей над индивидуальными, идея самопожертвования во имя блага других, с формулированием тезиса о том, что цель военной школы – дать «сильных, здоровых, бодрых, самостоятельных, хорошо образованных людей, горячо любящих свою Родину» (ГАРФ. Ф. Р-6792. Оп. 2. Д. 98. Л. 214-214 об.), и в материалах Морского корпуса (ГАРФ. Ф. Р-5915. Оп. 1. Д. 276. Л. 13 об.-14).

Весьма интересной сферой, где государство с неизбежностью стояло перед проблемой выбора стратегии не просто реализации идеи патриотизма в соответствующей эпохе формулировке, была проблема инкорпорации присоединяемых частей Империи. Особенно остро эта проблема стояла на южных границах, где инкорпорируемые территории были кардинально отличны и по этническому, и по конфессиональному признаку. В этом отношении интересен опыт Правительства в масштабах Оренбургской губернии и Епархии, где был исключительно высокий процент «иноверцев»: так, на 1898 г. насчитывалось православных и единоверцев 1 153 058, раскольников и сектантов – 48 583, католиков – 3 473, протестантов – 5 405, иудеев – 2 222, мусульман – 393 427 (ГАОО Ф. 6. Оп. 6. Д. 12941. Л. 40а).

Местная же система образования, по словам российских наблюдателей, была весьма специфична: «Школы эти, – отмечается в архивных материалах, – никак нельзя отнести к образовательным учреждениям, так как по содержанию преподаваемых предметов и методу преподавания они не только не развивают понятий учащихся, но напротив прививают им самые

дикие идеи и предрассудки, поддерживающие в народе религиозный фанатизм и препятствующие сближению его с русским и христианским населением» (ГАОО Ф. 6. Оп. 6. Д. 150. Л. 48). Сама идея реализации здесь идей патриотического воспитания была невозможна по определению. Соответственно, по итогам инспекции в 1876 г. Оренбургского учебного округа министром народного просвещения графом Д.А. Толстым было принято решение о создании учреждения, которое, говоря современным языком, реализовывало бы концепцию «мягкой силы» в форме подготовки учителей для национальных школ с задачей вытеснения религиозного мусульманского образования (мектебе и медресе). В 1882 г. в Орске открывается «Киргизская учительская школа» по подготовке учителей для казахов. Стратегической задачей в этой части Империи в сфере идеологии патриотизма была борьба с татаризацией и пантюркизмом, рассматривавшимися как реальная опасность имперскому патриотизму (ГАОО Ф. 264. Оп. 1. Д. 27. Л. 9).

В целом следует согласиться с позицией оренбургских историков, полагающих, что опыт их региона «можно считать одной из моделей культурно-образовательной коммуникации в контексте стратегии инкорпорирования, проводимой Российской империей в отношении этносов национальных окраин», а Волжско-Уральский регион реализовывал просветительскую политику центра, в которой на первый план была вынесена задача формирования подрастающего поколения в духе идеологии аккультурации; политика в сфере образования «иногородцев» осуществлялась в общегосударственном ключе и сопровождалась, помимо русификации, унификацией содержания образовательных программ учреждений национальной школы» (Любичанковский, 2018: 163).

Возвращаясь от практики реализации патриотического компонента идеологии в практике госуправления к общественному и научному дискурсу XIX в. вокруг этого понятия, нельзя не отметить, что среди отреагировавших на Манифест С.С. Уварова были известные литераторы, в частности и А.С. Пушкин с запиской «О народном воспитании» (Пушкин, 1962: 355), крайне неоднозначно оцениваемой в отечественной историографии, П.А. Плетнев «О народности в литературе» (Плетнев, 2008: 69). У последнего неким общим трендом выступает тезис о том, что народность, нация используются как синонимы, формируются в результате реализации конкретного варианта исторического развития. В целом в данный период, имеющий в своем начале 1833 г., идея народности становится предметом широкой общественно-политической дискуссии, идущей параллельно с практической деятельностью органов государственной власти специальной компетенции по реализации национальной, а в современном понимании – патриотической составляющей государственной политики, реализующейся прежде всего в сфере сословной молодежной политики, связанной по преимуществу со сферой образования, а применительно к военным служащим – и со сферой воспитания. Масштабность дискуссии хорошо видна на примере обсуждаемых дефиниций, особенно таких, как идея народности и идея человечества, а в крайних формах – как идеи национализма и космополитизма. Обозначается, хотя еще в самом общем виде и противостояние личного и коллективного. Об этом мы писали выше применительно к патриотическому компоненту воспитания кадетов.

В эпоху Великих реформ на глазах у тех, кто был непосредственным участником событий того времени, по сути начинался еще один этап в развитии как теории, так и практики отечественной концепции патриотизма. Это было время, когда сложившиеся к этому периоду теория и практика государственного управления встречаются с новым качеством изучаемого и регулируемого объекта – в результате реформ стремительно ускоряется процесс формирования не связанной жесткими сословными рамками единой русской нации. Ранее эта идея сформировалась в отечественной интеллектуальной традиции, отчасти была воспринята практикой госуправления, однако отмена крепостного права, всеобщая воинская повинность (Военная реформа Д.А. Милютина в целом), бессословный суд стали тем катализатором, который ускорил и формирование самой нации, и попытки осмысления нового качества регулируемого объекта.

Не будем также забывать, что именно на пореформенный период (1887) приходится и нормативный акт, так называемый «Указ о кухаркиных детях» («О сокращении гимназического образования», 2018), который может быть использован в качестве формальной точки отсчета для признания появления в масштабе страны государственной молодежной политики, де-факто существующей в формате сословной молодежной политики с периода позднего Средневековья как части социальной политики либо в формате «негативной» молодежной политики с конца XVIII в. (Меркулов, 2011: 79; Меркулов и др., 2015: 142-143; Меркулов и др., 2017: 46-49).

Конечно же, в России развивались и иные подходы к пониманию места и роли патриотизма в отечественном социуме. Однако та его ветвь, которая соотносится с народничеством, анархизмом, а впоследствии и с социалистическими учениями, имманентно противопоставляла себя российскому государству, выступая за тот или иной способ его свержения. Соответственно любая идеология, которую генерировали представители этих течений, воспринималась как антигосударственная пропаганда и, что вполне естественно, не оказывала никакого влияния на содержание патриотической составляющей государственной молодежной политики. Данное обстоятельство позволяет нам отказаться от рассмотрения этой части интеллектуального дискурса в российском обществе.

5. Заключение

Исследование общетеоретических аспектов возникновения понятий патриотизма, национализма в дореволюционной России наглядно показало, что практически за полтора века российская интеллектуальная традиция сумела пройти путь от постановки вопроса о патриотизме и национализме как необходимом элементе государственной, в т.ч. и молодежной политики. В эпоху существования сословной молодежной политики взаимосвязь восприятия государственной властью патриотических и националистических идей в основном проходила в сфере образования и воспитания (последнее тяготело к армейской сфере). Классическим примером подобного взаимодействия стала доктрина «официальной народности», реализовывавшаяся в практике государственного управления по линии Министерства народного просвещения. В последней трети XIX в. государственная молодежная политика окончательно сформировалась как одно из отраслевых направлений управленческой деятельности государства (ЦГАМ Ф. 459. Оп. 2. Д. 2511, 2512).

Примером реализации конкретных проектов в сфере государственной молодежной политики стало введение элементов патриотического воспитания в подготовку кадетов, создание «мягкой силы» (агентов влияния на инородческих окраинах империи, стимулирование создания и поддержки молодежных организаций патриотической направленности (скауты, «сокольство» и др.). Последующее восприятие этих форм уже в годы советской государственности доказывает, что формы реализации отечественного патриотизма в государственной молодежной политике оказались сильнее их идеологической ориентации. Они во многом были восприняты советской государственностью, начиная с момента отказа от курса на мировую революцию и присущего ей концепта пролетарского интернационализма.

Наиболее четкое воплощение практика государственного управления восприняла идеологический компонент патриотизма в организации военного воспитания в профильных учебных заведениях, прежде всего в кадетских корпусах. Здесь необходимо учитывать то обстоятельство, что на протяжении длительного времени процесс подготовки будущих офицеров кардинально отличался от привычного нам современного, практически исключая какое бы то ни было организованное воздействие на воспитанников, имеющее целевым назначением формирование у них какой-либо идеологии. Однако, начиная с первой трети XIX в., начало оформления понятия патриотизма на научном и управленческом уровне, возникновением сословной молодежной политики, этот компонент входит в воспитательную работу в кадетских корпусах, типология которой претерпела за это столетие немало кардинальных изменений. При этом архивные документы свидетельствуют о присутствии в ней патриотического компонента. Таким образом, в первой трети XIX в. в России произошло фактическое восприятие результатов общественного дискурса о содержании понятия «патриотизм» государственными органами управления, отраженное как в материалах, свидетельствующих о попытках формулирования новой государственной идеологии, так и в документах распорядительного характера Министерства народного просвещения в рамках формирования нормативно-правового компонента такого явления в системе государственного управления России, как трансформация проводимой ранее государством сословной молодежной политики в молодежную государственную политику, понимающую молодежь как единую социальную группу. Окончательно этот процесс завершится в последней трети XIX века с началом формирования целой группы самостоятельных общественных организаций патриотической направленности с переходом в новое качество уже в период кардинальных изменений политической системы страны и типа ее государственного управления начала XX века.

Литература

Бочарников, 2014 – *Бочарников И.В.* Феномен патриотизма в мировой политической истории. Российский патриотизм: основы и приоритетные направления развития: [сб. материалов] / Ассамблея народов России [и др.]; [под ред. Н. П. Комарова]. М.: Московский дом национальностей, 2014. С. 8-22.

Вырщиков, Кусмарцев, 2006 – *Вырщиков А.Н., Кусмарцев М.Б.* Патриотическое воспитание молодежи в современном российском обществе: Монография. Волгоград: НП ИПД «Авторское перо». 2006. 172 с.

ГАОО – Государственный архив Оренбургской области.

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.

Гребенкин, 2017 – *Гребенкин А.Н.* Традиции организации учебно-воспитательной и культурно-массовой работы в российских военно-учебных заведениях (XVIII – начало XX вв.). Новосибирск: Изд. АНС «СИБАК», 2017. 182 с.

Иванова, Лутовинов, 2008 – *Иванова С.Ю., Лутовинов В.И.* Современный российский патриотизм. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2008. 320 с.

Ильин, 2015 – *Ильин Н.П.* От российского патриотизма к русскому национализму // Патриотизм и национализм как факторы российской истории (конец XVIII в. – 1991 г.). М., 2015. С. 9-112.

Император Николай Первый, 2002 – *Высочайший манифест* 13 июля 1826 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hrono.ru/dokum/1800dok/18260713nik1.html> (дата обращения: 5.01.2018). Император Николай Первый. М., 2002.

Инструкция, 1883 – *Инструкция для преподавания учебных предметов в военных гимназиях. Положения общие* // Педагогический сборник. 1883. № 1. Ч. офиц. С. 1-52.

Карамзин, 1964 – *Карамзин Н.М.* Избранные сочинения в двух томах. М.–Л.: Художественная литература, 1964.

Карамзин, 1982 – *Карамзин Н.М.* Избранные статьи и письма. М., 1982. 351 с.

Карамзин, 1987 – *Карамзин Н.М.* Письма русского путешественника. Л., 1987. 717 с.

Карамзин, 1991 – *Карамзин Н.М.* О древней и новой России в ее политическом и гражданском значении. М., 1991. 125 с.

Ключевский, 1988 – *Ключевский В.О.* Курс русской истории. Соч. в 9 т. Т. III. М., 1988.

Ключевский, 2008 – *Ключевский В.О.* Декабристы. М., 2008.

Любичанковский, 2018 – *Любичанковский С.В.* Политика аккультурации средствами просвещения исламских подданных Российской империи: исторический опыт Оренбургского края (середина XIX – начало XX вв.). Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2018. 264 с.

Меркулов, 2011 – *Меркулов П.А.* Государственная молодежная политика дореволюционной России 1649–1917 гг.: от Соборного уложения до целевых проектов социализации. Брянск, 2011. 121 с.

Меркулов, 2013 – *Меркулов П.А.* Государственная молодежная политика России – исторические этапы формирования. СПб., 2013. 515 с.

Меркулов и др., 2015 – *Меркулов П.А., Елисеев А.Л., Аронов Д.В.* «Негативная молодежная политика» как составляющая государственной политики в отношении молодежи: методологические аспекты // *Власть*. 2015. № 2. С. 141-145.

Меркулов и др., 2017 – *Меркулов П.А., Елисеев А.Л., Аронов Д.В.* «Негативная молодежная политика» – к проблеме определения содержания понятия // *Гуманитарные науки и образование в XXI веке (история, молодежная политика, туризм): Междисциплинарный сборник научных статей. В 2-х ч.* / Отв. ред. А.А. Зеленин, М.Г. Леухова, А.В. Блинов. Кемерово-Орел: Издательский Дом «ОРЛИК», 2017. Ч. I. С. 44-51.

Миллер, 2008 – *Миллер А.* «Нация» и «народность» в России XIX века. Лекция. 29 декабря 2008. Аналитический портал ПОЛИТ.РУ [Электронный ресурс] URL: <https://polit.ru/article/2008/12/29/nation/> (дата обращения: 2.01.2019).

«О сокращении гимназического образования», 2018 – «О сокращении гимназического образования» [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/О_сокращении_гимназического_образования (дата обращения: 5.01.2018).

Патриотизм и национализм..., 2015 – Патриотизм и национализм как факторы российской истории (конец XVIII в. – 1991 г.). Коллективная монография / Отв. ред. В.В. Журавлев. М.: Политическая энциклопедия, 2015. 782 с.

Пестель, 2018 – *Пестель П.И.* Русская правда [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscont.ru/efd/9135> (дата обращения 5.01.2018).

Платонов, 2006 – *Платонов С.Ф.* Полный курс лекций по русской истории. М., 2006. С. 539-540.

Плетнев, 2008 – *Плетнев П.А.* О народности в литературе. Консерватор. СПб., 2008. № 3. С. 69.

Проект Конституции Н.М. Муравьева, 2018 – Проект Конституции Н.М. Муравьева [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Проект_конституции_Н.М._Муравьева (дата обращения: 5.01.2018).

Пушкин, 1962 – *Пушкин А.С.* О народном воспитании / Собрание сочинений в 10 т. М.: ГИХЛ, 1962. Т. 7. История Пугачева, Исторические статьи и материалы, Воспоминания и дневники. С. 355-361. [Электронный ресурс]. URL: <https://rvb.ru/pushkin/tocvol7.htm> (дата обращения 5.01.2018)

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив.

Россия. Министерство народного просвещения, 1864 – Россия. Министерство народного просвещения. Десятилетие Министерства народного просвещения. 1833–1843: (Записка, представленная государю императору Николаю Павловичу министром народного просвещения графом Уваровым в 1843 г.) / Россия. М-во народ. просв. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1864. 161 с.

Русские писатели, 1990 – «Русские писатели». Библиографический словарь. Т. 2. М–Я / Под ред. П.А. Николаева. М.: Просвещение, 1990. 442 с.

Санина, 2016 – *Санина А.Г.* Патриотизм и патриотическое воспитание в современной России // *Социологические исследования*. 2016. № 5. С. 44-53.

Селиверстова, Курганская, 2017 – *Селиверстова Н.А., Курганская М.Я.* Патриотизм // *Знание. Понимание. Умение*. 2017. № 1. С. 232-239.

Соловьев, 2011 – *Соловьев К.А.* Законодательная и исполнительная власть в России: механизмы взаимодействия (1906–1914). М., 2011. С. 442-463.

Страхов, 1883 – *Страхов Н.Н.* Борьба с Западом в нашей литературе. Книжка вторая. СПб., 1883. 394 с.

Теория официальной народности, 2018 – Теория официальной народности [Электронный ресурс] URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Теория_официальной_народности (дата обращения: 5.01.2018).

Толстой, 1980 – Толстой А.К. «Двух станов не боец, а только гость случайный...» / Собр. соч. в четырех томах. Т. 1. М., 1980. С. 95, 448.

Уваров, 1918 – Уваров С.С. Доклад Императору о славянстве от 5 мая 1847 г. // *Наше минуле. Журнал историй, литературы і культуры*. 1918. № 2. С. 171-177.

Уваров, 1995 – Уваров С.С. «О некоторых общих началах, могущих служить руководством при управлении Министерством Народного Просвещения» // *Река времен*. Вып. 1. М., 1995. С. 70-72.

Фонвизин, 1959 – Фонвизин Д.И. Рассуждение о непременных государственных законах // Собр. соч. в 2 т. М.-Л., 1959. Т. 2. 742 с.

Циркулярное предложение..., 1892 – Циркулярное предложение Попечителю Московского учебного округа // *Русский архив*. 1892. № 7.

ЦГАМ – Центральный государственный архив Москвы.

Черных, 1993 – Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. М., 1993. Т. I. 624 с.

Шаццлло, 1985 – Шаццлло К.Ф. Русский либерализм накануне революции 1905–1907 годов. М., 1985. 302 с.

Cadiot et al., 2005 – Cadiot J. Searching for Nationality : Statistics and National Categories at the End of the Russian Empire (1897-1917) // *Russian Review*. 2005. Vol. 64. № 3. Pp. 440-455.

Lieven et al., 2008 – Lieven D. Russian Empire : Space, People, Power, 1700-1930 / J. Burbank, M. von Hagen, A. Remnev // *Russian Review*. 2008. Vol. 67. № 4. P. 706.

Merkulov et al., 2018 – Merkulov P.A., Eliseev A.L., Aronov D.V. State youth policy in pre-revolutionary Russia: from social stratification of society to full social regulation // *Bylye Gody*. 2018. Vol. 49. Is. 3. Pp. 1061-1073.

Saunders et al., 2000 – Saunders D. Regional Diversity in the Later Russian Empire // *Transactions of the Royal Historical Society*. 2000. Vol. 10. pp. 143-163.

Sany et al., 2000 – Sany R.G. Nationalities in the Russian Empire // *Russian Review*. 2000. Vol. 59. № 4. Pp. 487-492.

References

«O sokrashchenii gimnazicheskogo obrazovaniya», 2018 – «O sokrashchenii gimnazicheskogo obrazovaniya» [Elektronnyi resurs]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/O_sokrashchenii_gimnazicheskogo_obrazovaniya (date of access: 5.01.2018). [in Russian]

Bocharnikov, 2014 – Bocharnikov I.V. (2014). Fenomen patriotizma v mirovoi politicheskoi istorii Rossiiskii patriotizm: osnovy i prioritetye napravleniya razvitiya: [sb. materialov] / Assambleya narodov Rossii [i dr.]; [pod red. N. P. Komarova]. [The phenomenon of patriotism in world political history Russian patriotism: fundamentals and priority directions of development: [collection of materials]. Assembly of peoples of Russia [and others]. M.: Moskovskii dom natsional'nosti. Pp. 8-22. [in Russian]

Cadiot et al., 2005 – Cadiot J. (2005). Searching for Nationality: Statistics and National Categories at the End of the Russian Empire (1897-1917). *Russian Review*. Vol. 64. № 3. Pp. 440-455.

Chernykh, 1993 – Chernykh P.Ya. (1993). Istoriko-etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo yazyka [Historical and etymological dictionary of the modern Russian language]. M., T. I. 624 p. [in Russian]

Fonvizin, 1959 – Fonvizin D.I. (1959). Rassuzhdenie o nepremennykh gosudarstvennykh zakonakh [Reasoning about the indispensable state laws]. Sobr. soch. v 2 t. M.-L. T. 2. 742 p. [in Russian]

GAOO – Gosudarstvennyi arkhiv Orenburgskoi oblasti [State Archive of the Orenburg Region].

GARF – Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State Archive of the Russian Federation].

Grebenkin, 2017 – Grebenkin A.N. (2017). Traditsii organizatsii uchebno-vospitatel'noi i kul'turno-massovoi raboty v rossiiskikh voenno-uchebnykh zavedeniyakh (XVIII – nachalo XX v.). [Traditions of the organization of educational and cultural work in Russian military educational institutions (XVIII – early XX century)]. Novosibirsk: Izd. ANS «SiBAK». 182 p. [in Russian]

Il'in, 2015 – Il'in N.P. (2015). Ot rossiiskogo patriotizma k russkomu natsionalizmu [From Russian patriotism to Russian nationalism]. Patriotizm i natsionalizm kak faktory rossiiskoi istorii (konets XVIII v. – 1991 g.). M. Pp. 9-112. [in Russian]

Imperator Nikolai Pervyi, 2002 – Vysochaishii manifest 13 iyulya 1826 g. [Elektronnyi resurs]. URL: <http://www.hrono.ru/dokum/1800dok/18260713nik1.html> (date of access: 5.01.2018); Imperator Nikolai Pervyi. M., 2002. [in Russian]

Instruktsiya, 1883 – Instruktsiya dlya prepodavaniya uchebnykh predmetov v voennykh gimnaziakh. Polozheniya obshchie [Instructions for teaching academic subjects in military schools. The provisions of the General]. *Pedagogicheskii sbornik*. 1883. № 1. Ch. ofits. Pp. 1-52. [in Russian]

Ivanova, Lutovinov, 2008 – Ivanova S.Yu., Lutovinov V.I. (2008). Sovremennyi rossiiskii patriotizm. [Modern russian patriotism]. Rostov n/D: Izd-vo YUNTs RAN. 320 p. [in Russian]

- Karamzin, 1964** – *Karamzin N.M.* (1964). Izbrannye sochineniya v dvukh tomakh [Selected works in two volumes]. M.-L.: Khudozhestvennaya literatura. [in Russian]
- Karamzin, 1982** – *Karamzin N.M.* (1982). Izbrannye stat'i i pis'ma. [Selected articles and letters]. M. 351 p. [in Russian]
- Karamzin, 1987** – *Karamzin N.M.* (1987). Pis'ma russkogo puteshestvennika. [Letters of a Russian traveler]. L. 717 p. [in Russian]
- Karamzin, 1991** – *Karamzin N.M.* (1991). O drevnei i novoi Rossii v ee politicheskom i grazhdanskom znachenii [About ancient and new Russia in its political and civil significance]. M. 125 p. [in Russian]
- Klyuchevskii, 1988** – *Klyuchevskii V.O.* (1988). Kurs russkoi istorii. Soch. v 9 t. T. III. [The course of Russian history. Op. in 9 vols., Vol. III.]. M. [in Russian]
- Klyuchevskii, 2008** – *Klyuchevskii V.O.* (2008). Dekabristy. [Decembrists]. M. [in Russian]
- Lieven et al., 2008** – *Lieven D.* (2008). Russian Empire: Space, People, Power, 1700-1930. J. Burbank, M. von Hagen, A. Remnev. *Russian Review.* Vol. 67. № 4. P. 706.
- Lyubichankovskii, 2018** – *Lyubichankovskii S.V.* (2018). Politika akkul'turatsii sredstvami prosveshcheniya islamskikh poddannyykh Rossiiskoi imperii: istoricheskii opyt Orenburgskogo kraia (seredina XIX – nachalo XX vv.) [The policy of acculturation by means of education of Islamic subjects of the Russian Empire: the historical experience of the Orenburg region (mid-XIX – early XX centuries)]. Orenburg: Izdatel'skii tsentr OGAU. 264 p. [in Russian]
- Merkulov et al., 2018** – *Merkulov P.A., Eliseev A.L., Aronov D.V.* (2018). State youth policy in pre-revolutionary Russia: from social stratification of society to full social regulation. *Bylye Gody.* Vol. 49. Is. 3. Pp. 1061-1073.
- Merkulov i dr., 2015** – *Merkulov P.A., Eliseev A.L., Aronov D.V.* (2015). «Negativnaya molodezhnaya politika» kak sostavlyayushchaya gosudarstvennoi politiki v otnoshenii molodezhi: metodologicheskie aspekty ["Negative youth policy" as a component of state policy towards youth: methodological aspects]. *Vlast'*. № 2. Pp. 141-145. [in Russian]
- Merkulov i dr., 2017** – *Merkulov P.A., Eliseev A.L., Aronov D.V.* (2017). «Negativnaya molodezhnaya politika» – k probleme opredeleniya soderzhaniya ponyatiya ["Negative youth policy" – to the problem of defining the content of the concept]. *Gumanitarnye nauki i obrazovanie v XXI veke (istoriya, molodezhnaya politika, turizm): mezhdistsiplinarnyi sbornik nauchnykh statei.* V 2-kh ch. Otv. red. A.A. Zelenin, M.G. Leukhova, A.V. Blinov. Kemerovo-Orel: Izdatel'skii Dom «ORLIK». Ch. I. Pp. 44-51. [in Russian]
- Merkulov, 2011** – *Merkulov P.A.* (2011). Gosudarstvennaya molodezhnaya politika dorevolutsionnoi Rossii 1649–1917 gg.: ot Sobornogo ulozheniya do tselevykh proektov sotsializatsii [State youth policy of pre-revolutionary Russia 1649–1917: from the Cathedral code to targeted socialization projects]. Bryansk. 121 p. [in Russian]
- Merkulov, 2013** – *Merkulov P.A.* (2013). Gosudarstvennaya molodezhnaya politika Rossii – istoricheskie ehtapy formirovaniya [State youth policy of Russia – historical stages of formation]. SPb. 515 p. [in Russian]
- Miller, 2008** – *Miller A.* (2008). «Natsiya» i «narodnost'» v Rossii XIX veka. Lektsiya. 29 dekabrya 2008. Analiticheskii portal POLIT.RU [Elektronnyi resurs]. URL: <https://polit.ru/article/2008/12/29/nation/> (date of access: 2.01.2019). [in Russian]
- Patriotizm i natsionalizm..., 2015** – Patriotizm i natsionalizm kak faktory rossiiskoi istorii (konets XVIII v. – 1991 g.) [Patriotism and nationalism as factors of Russian history (the end of the XVIII century – 1991)]. Kollektivnaya monografiya. Otv. red. V.V. Zhuravlev. M.: Politicheskaya ehntsiklopediya, 2015. 782 p. [in Russian]
- Pestel', 2018** – *Pestel' P.I.* (2018). Russkaya pravda [Elektronnyi resurs]. URL: <https://rucont.ru/efd/9135> (data obrashcheniya 5.01.2018). [in Russian]
- Platonov, 2006** – *Platonov S.F.* (2006). Polnyi kurs lektsii po russkoi istorii. [Full course of lectures on Russian history]. M. Pp. 539-540. [in Russian]
- Pletnev, 2008** – *Pletnev P.A.* (2008). O narodnosti v literature. Konservator [About nationality in literature. Conservative]. SPb. № 3. P. 69. [in Russian]
- Proekt Konstitutsii N.M. Murav'eva, 2018** – Proekt Konstitutsii N. M. Murav'eva. [Elektronnyi resurs]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Proekt_konstitutsii_N.M._Murav'eva (date of access: 5.01.2018). [in Russian]
- Pushkin, 1962** – *Pushkin A.S.* (1932). O narodnom vospitanii / Sobranie sochinenii v 10 t. M.: GIKHL, 1962. T. 7. Istoriya Pugacheva, Istorieskie stat'i i materialy, Vospominaniya i dnevniki. pp. 355-361 [Elektronnyi resurs]. URL: <https://rvb.ru/pushkin/tocvol7.htm> (date of access: 5.01.2018). [in Russian]
- RGVIA** – Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv [Russian State Military Historical Archive].
- Rossiya. Ministerstvo narodnogo prosveshcheniya, 1864** – Rossiya. Ministerstvo narodnogo prosveshcheniya. Desyatiletie Ministerstva narodnogo prosveshcheniya. 1833-1843: (Zapiska, predstavennaya gosudaryu imperatoru Nikolayu Pavlovichu ministrom narodnogo prosveshcheniya grafom Uvarovym v 1843 g.). Rossiya. M-vo narod. prosv. [Russia. Ministry of public education. Decade of the

- Ministry of public education. 1833-1843: (note presented to the sovereign Emperor Nikolai Pavlovich by the Minister of public education count Uvarov in 1843..)]. SPb. Tip. Imp. akad. nauk, 1864. 161 p. [in Russian]
- [Russkie pisateli, 1990](#) – «Russkie pisateli». Biobibliograficheski slovar' [«Russian writer». Biobibliographic dictionary]. T. 2. M–Ya. Pod red. P.A. Nikolaeva. M.: Prosveshchenie, 1990. 448 p. [in Russian]
- [Sanina, 2016](#) – *Sanina A.G.* (2016). Patriotizm i patrioticheskoe vospitanie v sovremennoi Rossii [Patriotism and Patriotic education in modern Russia]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. № 5. Pp. 44-53. [in Russian]
- [Sany et al., 2000](#) – *Sany R.G.* (2000). Nationalities in the Russian Empire. *Russian Review*. Vol. 59. № 4. Pp. 487-492.
- [Saunders et al., 2000](#) – *Saunders D.* (2000). Regional Diversity in the Later Russian Empire. *Transactions of the Royal Historical Society*. Vol. 10. pp. 143-163.
- [Seliverstova, Kurganskaya, 2017](#) – *Seliverstova N.A., Kurganskaya M.Ya.* (2016). Patriotizm [Patriotism]. *Znanie. Ponimanie. Umenie*. № 1. Pp. 232-239. [in Russian]
- [Shatsillo, 1985](#) – *Shatsillo K.F.* (1985). Russkii liberalizm nakanune revolyutsii 1905-1907 gody. [Russian liberalism on the eve of the revolution 1905-1907]. M. 302 p. [in Russian]
- [Solov'ev, 2011](#) – *Solov'ev K.A.* (2011). Zakonodatel'naya i ispolnitel'naya vlast' v Rossii: mekhanizmy vzaimodeistviya (1906–1914). [Legislative and Executive power in Russia: mechanisms of interaction (1906–1914)]. M. Pp. 442-463. [in Russian]
- [Strakhov, 1883](#) – *Strakhov N.N.* (1883). Bor'ba s Zapadom v nashei literature. Knizhka vtoraya [The struggle with the West in our literature. Book two]. SPb. 394 p. [in Russian]
- [Teoriya ofitsial'noi narodnosti, 2018](#) – Teoriya ofitsial'noi narodnosti [Elektronnyi resurs]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Teoriya_ofitsial'noi_narodnosti (date of access: 5.01.2018). [in Russian]
- [Tolstoi, 1980](#) – *Tolstoi A.K.* (1980). «Dvukh stanov ne boets, a tol'ko gost' sluchainyi...». *Sobr. soch. v chetyrekh tomakh*. T. 1. [“Two camps is not a fighter, but only a random guest...”]. M. P. 95, 448. [in Russian]
- [TSGAM](#) – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Moskvy [Central State Archive of Moscow].
- [Tsirkulyarnoe predlozhenie..., 1892](#) – Tsirkulyarnoe predlozhenie Popecthlyu Moskovskogo uchebnogo okruga [Circular proposal to the Trustee of the Moscow school district]. *Russkii arkhiv*. 1892. № 7. [in Russian]
- [Uvarov, 1918](#) – *Uvarov S.S.* (1918). Doklad Imperatoru o slavyanstve ot 5 maya 1847 g. [Report to the Emperor on the Slavs of may 5, 1847]. *Nashe minule. Zhurnal istorii, literaturi i kul'turi*. № 2. pp. 171-177. [in Russian]
- [Uvarov, 1995](#) – *Uvarov S.S.* (1995). «O nekotorykh obshchikh nachalakh, mogushchikh sluzhit' rukovodstvom pri upravlenii Ministerstvom Narodnogo Prosveshcheniya» [“On some General principles that can serve as a guide in the management of the Ministry Of public Education”]. *Reka vremeni*. Vyp. 1. M. Pp. 70-72. [in Russian]
- [Vyrshchikov, Kusmartsev, 2006](#) – *Vyrshchikov A.N., Kusmartsev M.B.* (2006). Patrioticheskoe vospitanie molodezhi v sovremennom rossiiskom obshchestve: monografiya [Patriotic education of youth in modern Russian society: monograph]. Volgograd: NP IPD «Avtorskoe pero». 172 p. [in Russian]

Теория патриотизма в дореволюционной России – от первых шагов к практике реализации

Павел Александрович Меркулов ^{a, *}, Анатолий Леонидович Елисеев ^a,
Дмитрий Владимирович Аронов ^b

^a Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС, Российская Федерация

^b Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, Российская Федерация

Аннотация. Одним из компонентов понимания исторической ментальности народа выступает такая ее составляющая, как патриотизм. Понимание сущности данного явления, уровня его общественной саморефлексии неотделимо от его взаимосвязи и взаимообусловленности с конкретно-историческими условиями жизни социума. Принципиально важным представляется рассмотрение социальной рефлексии патриотизма на примере таких ее составных компонентов, как научное осмысление явления в социуме и отражение уровня его восприятия в практике государственного управления. В настоящей статье рассматривается возникновение патриотизма как одного из компонентов социальных практик в дореволюционной России и его эволюция в теоретических изысканиях и практической деятельности органов государственного управления общего и

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: reception@orel.ranepa.ru (П.А. Меркулов),
eliseev.anatoly@gmail.com (А.Л. Елисеев), aronovdv@mail.ru (Д.В. Аронов)

отраслевого характера. Ставится задача проследить динамику изменений места и роли патриотизма в контексте развития общеполитической ситуации в стране. На примере результатов анализа трудов дореволюционных исследователей и малоизвестных официальных материалов нормативного и административно-распорядительного характера делается вывод о генезисе патриотизма в дореволюционном российском социуме. Прослежены фазы его становления как объекта научного изучения с постоянной коррекцией содержания, а также как целеполагающего фактора государственной молодежной политики дореволюционной России, стадийно совпадающего со становлением этого нового направления государственного управления.

Ключевые слова: патриотизм, государство и государственность, государство и отечество, государственная молодежная политика, патриотический компонент государственной молодежной политики, общественная и научная саморефлексия.